

Революции: взгляд на пятисотлетний тренд

Grinin, Leonid

Veröffentlichungsversion / Published Version

Zeitschriftenartikel / journal article

Empfohlene Zitierung / Suggested Citation:

Grinin, L. (2017). Революции: взгляд на пятисотлетний тренд. *Историческая психология и социология истории*, 10(2), 5-42. <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssoar-70006-0>

Nutzungsbedingungen:

Dieser Text wird unter einer Basic Digital Peer Publishing-Lizenz zur Verfügung gestellt. Nähere Auskünfte zu den DiPP-Lizenzen finden Sie hier:

<http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

Terms of use:

This document is made available under a Basic Digital Peer Publishing Licence. For more Information see:

<http://www.dipp.nrw.de/lizenzen/dppl/service/dppl/>

100 ЛЕТ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Л. Е. ГРИНИН

РЕВОЛЮЦИИ. ВЗГЛЯД НА ПЯТИСОТЛЕТНИЙ ТРЕНД*

В 2017 году исполнилось не только сто лет со дня революции 1917 года, но также 500-летие начала Реформации в Германии. Именно с Реформации можно начинать отсчет современных революций в Европе и в мире. В первой части статьи анализируются линии трансформации революций в ходе исторического процесса, в частности то, как изменялись на протяжении этих столетий их всемирно-историческая роль, социальные базы, революционные идеологии, практики, используемые ими информационные технологии. Показано, какие важные изменения в революционные практики и в само понимание сущности революции были внесены каждой крупной революцией. Во второй части статьи также освещаются некоторые вопросы, связанные с теорией революции, в частности, дается классификация типов революций, начиная от религиозных и заканчивая модернизационными, отмечены некоторые важные условия возникновения революций. В заключении мы рассмотрим вопрос о том, как и почему революции с определенного момента все активнее используются как геополитическое оружие.

Ключевые слова: Реформация, революция, теория революции, практики революции, информационные технологии, исторический процесс, геополитика, смена режима, типы революций, великие революции.

В 2017 году исполнилось не только сто лет со дня революции 1917 года. В этом году мы отметили также 500-летие начала Ре-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 15-18-30063).

формации в Германии¹. Именно с Реформации, полагаю, можно начинать отсчет современных революций в Европе и в мире². Этим и объясняется название статьи. В первой ее части мы анализируем линии трансформации революций в ходе исторического процесса, в частности то, как изменялись на протяжении этих столетий их социальные базы, революционные идеологии, практики, используемые ими информационные технологии. В процессе рассмотрения данных аспектов мы будем также обращаться к тем или иным моментам, связанным с теорией революции. Во второй части дополнительно остановимся на некоторых аспектах теории революции. В заключении мы рассмотрим вопрос о том, как и почему революции с определенного момента все активнее используются как геополитическое оружие.

В настоящей работе нет возможности останавливаться на исследовательской многоголосице в определении революции. Отметим только, что общепринятого определения нет и не предвидится (см.: Гринин и др. 2010; 2016; Гринин, Коротаев 2016). Если рассматривать революции как насильственную смену режима, то можно сказать, что они сопровождают политическую историю на протяжении многих тысячелетий. Но такого рода революции в основном характерны для государств полисного типа, в которых режимы могли меняться с олигархического (или тиранического) на демократический и наоборот. Таким образом, до Нового времени революции имели место чаще всего в государствах, политический режим которых был мало распространен в доиндустриальный период исторического процесса. История некоторых эллинистических государств и Рима также может быть описана в революционном аспекте как борьба социальных и политических групп за распределение ресурсов и власти (см., например: Сорокин 1992; 1994; Нефедов 2007). Мы найдем некоторое подобие политических и социальных революций (или попыток таких революций) в средневековых государствах (в Италии и некоторых других странах). Социальная борьба прослеживается и в истории ряда восточных государств. Но там реже наблюдаются попытки установить новый режим, условно говоря, изменить «конституцию», хотя иногда мы наблюдаем что-то вроде социальных революций, когда меняются социально-

¹ 31 октября 1517 года Мартин Лютер, доктор богословия Виттенбергского университета, публично вывесил свои знаменитые «95 тезисов», в которых выступил с резкой критикой существующих практик католической церкви, в частности продажи индульгенций.

² Хотя некоторые черты будущих революций уже угадываются в гуситском движении и некоторых восстаниях в Италии в XIV веке.

экономические (распределительные) отношения³. Зато налицо крупные восстания, иногда сметающие династии, как в Китае⁴.

Но несмотря на вышеприведенные примеры, в древности и Средние века не было революций, которые бы способствовали движению обществ к более высокой ступени социальной эволюции. Конечно, определенную роль в развитии они играли, но по сравнению с войнами и другими изменениями – явно более слабую. Производственная основа общества не менялась вслед за революциями, поэтому их прогрессивный эффект был существенно слабее, чем в эпоху модерна.

Одной из ведущих движущих сил исторического процесса революции стали только с периода новой истории (см.: Гринин 1997; Семенов и др. 2007; Травин, Маргания 2004; Голдстоун 2015). Почему? Потому что это был переход к новому – промышленному – принципу производства. А такой переход начался с конца XV века (предвестники его были заметны значительно раньше – см. подробнее: Гринин 2006; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015; Grinin, Kogotayev 2015). А вместе с переломом в производстве было необходимо сменить и все другие отношения для того, чтобы общество могло создать простор для развития новых производительных сил. И именно революции могли способствовать слому отношений, которые этому развитию препятствовали. Таким образом, в настоящей статье мы говорим о революциях нового типа, которые до XVI века были практически неизвестны в истории. Говорим о них как о явлении, ставшем исключительно важным для разворачивания исторического процесса, как о способе реализации поступательного развития общества, повышения его экономического, культурного и политико-правового уровня⁵. Иными словами, здесь мы рассматриваем революции не просто как способ смены политического режима, но как форму разрешения противоречий в обществах, с некоторых пор находившихся уже на ведущей линии технологического, культурного и политического развития⁶.

³ Например, реформы в XXIV столетии до н. э. Урунимгины, который, вероятно, был избран правителем Лагаша после народного восстания (Дьяконов 1951; 1983: 207–274; 2000: 55–56); о такого рода восстаниях и установлении особой формы правления см. также: Штырбул 2006.

⁴ Из китайских народных восстаний ближе всего к революции стоит тайпинское 1850–1864 годов (см., например: Илюшечкин 1967).

⁵ Разумеется, поступательного только в конечном счете (поскольку революции оказались весьма затратным способом развития и порой временно отбрасывали общество назад).

⁶ Однако, как мы увидим ниже, в XX веке в связи с изменением роли революций в историческом процессе они могли переводить общество на немагистральный путь развития.

Наконец отметим, что повышение роли революций в историческом процессе было связано не только с общими технологическими изменениями, которые особенно явно заявили о себе с последней трети XV века, но и с переворотом, который произошел в это же время в информационных технологиях. Важно иметь в виду, что каждая крупная революция или каждая новая волна революций так или иначе связана либо с появлением принципиально новых средств информации, либо с их усовершенствованием. Ниже мы по возможности проследим эту линию революционных практик (обобщив ее во второй части статьи).

Часть 1. ЭВОЛЮЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ

1.1. Ранние революции (XVI–XVIII века)

О некоторых условиях совершения революций. Для начала, развития и победы революции необходим целый ряд условий. Анализировать их все в настоящей статье мы не можем, тем более что это весьма дискуссионная проблема⁷. Для данного контекста важнее отметить только четыре, о которых говорят реже. Они представляют тесно связанные между собой феномены. **Первое условие** – наличие относительно новой или модифицированной идеологии (ее распространение уже может состояться до революции, а может произойти непосредственно во время нее). Революция в нашем понимании (в отличие от бунта или восстания) нуждается в новой или модифицированной идеологии. Именно такая идеология способна не просто сплотить массы (это могут сделать уже протестные настроения, обострение нужды и бедствий, нарастающие обиды от притеснений и несправедливости). Идеология способна дать более или менее определенное представление (пусть и на уровне достаточно общих лозунгов) о том, что имеется некий строй лучше существующего, что для обретения лучшей доли необходимо изменить (заменить) его. **Второе**, как уже сказано, – какие-либо информационные технологии. Последние важны по многим причинам: с их помощью распространяется революционная идеология, осуществляются агитация и привлечение сторонников, они являются, по известному выражению В. И. Ленина, не только коллективным пропагандистом, но и коллективным организатором.

Такими путями были социализм, фашизм (например, в Испании), такова была религиозная революция в Иране.

⁷ Анализ некоторых этих условий см.: Гринин 2017б.

Третье важное условие – революции не могут происходить в обществах, где грамотными являются 2–3 % населения, требуется значимый процент грамотных людей.

Четвертое условие – революции как движения с идеологией, требующей институциональных изменений в политическом и социальном строе, в качестве повторяющегося и закономерного явления могли появиться только в урбанизированном обществе, где также мог существовать определенный уровень грамотности и культуры, где уже сложилась интеллигенция как социальная группа. Иными словами, это общество, в котором началась и идет модернизация (о связи революции и модернизации см.: Гринин 2013; 2017а; Гринин, Коротаев 2016)⁸.

Все четыре компонента – новая идеология, информационные технологии, грамотность и определенный уровень урбанизации – тесно взаимосвязаны. Дополнительно отметим, что революции могут проходить как в обществах, где большинство или очень значительная часть населения неграмотна, так и в полностью грамотном обществе. Здесь нет каких-либо точных показателей. Это же касается и уровня урбанизации. Но интересно заметить, что великие революции происходили в обществах, где большинство населения все же было неграмотным и жило в сельской местности. Видимо, эти революции были великими в том числе и потому, что активно вовлекали основную часть населения – крестьянство – в революционные события⁹.

Почему Реформацию можно считать первой революцией Нового времени?¹⁰ К началу Реформации все указанные и иные условия для начала революции в Германии и некоторых других странах были налицо. Также прослеживались ростки модернизации. Германия была одной из самых передовых стран Европы в отношении развития городов, торговли, промышленности, особенно горно-

⁸ Недаром революции, если и случались в древности и Средние века, то именно в основном в городских обществах, где грамотность была по тем временам относительно высокой.

⁹ О великих революциях и их роли см.: Гринин 2017б. Здесь только отметим, что начиная с Великой французской революции великие революции или нечто их заменяющее происходили с интервалом примерно в полвека. В 1848–1849 годах прошли европейские революции, затем в 1905 году началась революционная полоса в России. В Китае революция завершилась победой в 1949 году, но, по сути, продолжалась еще двадцать лет.

¹⁰ Новое время мы определяем с конца XV века, как это принято в западной историографии, было принято в дореволюционной историографии в России и все активнее принимается современными отечественными историографами.

рудной. Именно из шахт Саксонии и Богемии происходило европейское серебро (Nef 1987: 735). Механизация разработок достигала высокого уровня (см. подробнее: Бакс 1986; Гринин 2006; Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2015; Grinin, Korotayev 2015). Книгопечатание неслучайно было изобретено также именно в Германии.

Здесь будет кстати перейти к этой новой, колоссальной по масштабу и силе информационной технологии, которая и стала важнейшей материальной предпосылкой для подготовки этой религиозной революции. Как известно, книгопечатание возникло в середине XV века (1445 год), постепенно, но довольно быстро распространяясь. Уже в XV веке критические произведения, особенно касающиеся церкви, распространились в печатном виде достаточно широко, готовя почву для Реформации. Тезисы Лютера были очень быстро распечатаны и разошлись по всей Европе. Технология книгопечатания позволяла зажечь костер Реформации. Только Библии за XVI век, то есть за период возникновения и укрепления протестантизма, в Европе было напечатано 500 млн. экземпляров (Назарчук 2006: 79)¹¹. Также было издано очень много других книг. Рост рынка печатных книг, естественно, опирался на рост грамотности, а также, в свою очередь, влиял на ее распространение. Повторим, что революции не могут происходить в совершенно неграмотных обществах. А грамотность в начале XVI века была уже достаточно высокой даже среди крестьян, которые во время Крестьянской войны в Германии в 1525 году также печатали свои требования.

Все главные признаки революции были налицо: активизация широких масс людей, появление новых идеологий, формирование аморфных партий и достаточно ясных программ, желание коренным образом переустроить общество, в том числе его имущественные и социальные отношения, а также резкое размежевание общества, что ведет к гражданским войнам. Остается вопрос о смене политического режима. Действительно, в этом плане Реформация отличается от привычного типа революций, поскольку смена политического режима не была ее целью (тем более главной). Однако в известной мере Реформация все же была и полити-

¹¹ Напомним, что до этого времени верующим не рекомендовалось самим читать Библию, а число экземпляров книги было ограниченным, так как она в основном переписывалась (хотя и стала печататься в XV веке, что, собственно, и явилось основой для созревания религиозной смуты).

ческим протестом, в частности, против властных прав иноземного государя папы римского, в таких обществах, как немецкое, и против церковных феодальных государств (архиепископств, епископств и т. п.). А позже религиозные войны в той или иной мере стали связываться с политическим строем. В частности, в Германии в результате Аугсбургского религиозного мира 1555 года была выработана формула: «Чья земля, того и вера», то есть ведущее вероисповедание в княжестве определялось по вероисповеданию князя или правителя.

Религиозные революции и их трансформация. Почему исторически первой формой революции в Европе стала религиозная революция? Для ответа на этот вопрос попробуем сформулировать, в чем различие между мятежами, восстаниями, движениями, крестьянскими/народными войнами и прочими формами социально-политической борьбы Средневековья и революциями Нового времени. Для первых выход из бедствий и кризиса (в плане изменения существующего положения в политической сфере, без учета социальных требований) их участникам виделся в донесении «правды» до монарха, принятии требований восставших, персональной замене правителя (определенного монарха, царедворца и т. п.) или, в лучшем случае, династии (как в Китае, где полагали, что грехи династии лишают ее мандата Неба). Для революции же необходимы институализированные изменения в политическом строе – народное представительство, ограничение монаршей власти, республика¹².

Однако для выработки таких классических форм революции, а также ясных требований необходимы длительное время, исторический опыт и его осмысление в трудах идеологов, определенная зрелость общества¹³. В XVI веке ничего этого еще не было. Следовательно, должны были возникнуть промежуточные формы. Самым естественным ходом событий и стал религиозный раскол.

¹² Впрочем, для установления конституционной монархии смена династий стала весьма важным инструментом институционализации.

¹³ В отношении идеологии революции в течение раннего Нового времени создается очень многое. По сути, два века идеологи создавали определенную программу переустройства общества, особенно активно в Англии и Франции. Естественно, особенно много новых идей, принципов, лозунгов, требований создается во время революций. Эмиграция из стран, в которых шли революции, также серьезно влияла на распространение той или иной идеологии (в том числе и консервативной, контрреволюционной).

А промежуточной формой между ересями старого типа и социально-политическими революциями Нового времени выступила Реформация, способствовавшая идеологическому, а частично и социально-имущественному слоу старого порядка¹⁴.

Религиозный элемент в революциях, естественно, не мог исчезнуть быстро. Во-первых, Реформация и религиозные войны продолжались почти до конца XVI столетия. Во-вторых, следующая революция (которую почти все признают таковой), Нидерландская (1566–1609), также носила явно религиозный характер. Кальвинисты Нидерландов восстали против преследований со стороны господствующей здесь католической Испании, которая активно использовала для этого религиозный репрессивный орган – инквизицию. Однако, как это нередко бывает в подобных ситуациях, неуступчивость Испании в вопросах веры и других (налогах, правилах торговли, уровне автономии и т. д.) привела к тому, что единственную возможность для защиты своих прав восставшие увидели в отделении от Испании, и это привело к появлению республики нового типа. Таким образом, наряду с религиозной составляющей в Нидерландской революции ярко проявилась и иная составляющая – национально-освободительная борьба, впоследствии один из самых распространенных типов революций¹⁵.

Дальнейшее развитие революции как повторяющегося явления связано с событиями в Англии в первой половине XVII века. Но и эта революция все еще была окрашена в религиозные тона. Хотя в Англии в XVI веке при Генрихе VIII и состоялась Реформация, но она была проведена сверху, в результате чего образовалась англиканская государственная церковь. Однако далее реформистское движение пошло снизу, и в Англии появилось религиозное течение пуритан (близкое к кальвинизму). Оно требовало дальнейших изменений в государственной церкви, а также существенных перемен в социально-культурной жизни. Пуритане преследовались, но именно они сыграли выдающуюся роль в победе над королем Кар-

¹⁴ За счет конфискации земельных владений церкви, роспуска монахов и монахинь и других мероприятий.

¹⁵ То, что религиозный вопрос был важнейшим в этой революции, подтверждается уже тем фактом, что 10 южных провинций Нидерландов из 17, в которых католичество преобладало, не захотели полного разрыва с Испанией и в итоге остались частью Габсбургской монархии, сохранив и католическую веру. И только 7 северных провинций, где преобладали кальвинисты, создали республику – Нидерланды (Голландию).

лом I¹⁶. Религиозные факторы далеко не исчезли из английской политической жизни и после революции. В частности, свержение Якова II в 1688 году (так называемая Славная революция) было вызвано попытками короля восстановить ведущую роль католицизма в стране, чему противилось большинство населения и знати.

И после этого прошел еще весьма длительный период – более столетия, пока во время Великой французской революции не появилась гражданская революционная идеология (см.: Гринин 2012: Лекция 8)¹⁷.

Революции, политический режим и возможности развития общества. Итак, после появления республики нового типа в Голландии революции обязательно связываются с изменением политического строя. Даже если вопрос в обществе стоял о поддержке того или иного кандидата на престол (как бывало в XIX веке в Испании), все равно за кандидатами подразумевались обязательства по каким-либо изменениям политического режима. Это стремление в той или иной мере изменить политический строй можно считать важнейшим признаком революции.

Почему революции должны были вести к изменению политического строя? Это, конечно, связано с формой правления, которая имела в обществах того времени (с XVI по XX век), а именно жесткой, иерархической. С одной стороны, иной формы для скрепления общества в условиях выхода государств из состояния децентрализации, характерной для Средних веков, просто не могло быть. Но с другой – любые назревшие перемены требовали изменения законов, а это неизбежно сталкивалось с жесткостью политической конструкции. Темп развития с начала Нового времени за счет развития техники, торговли, Великих географических открытий, роста урбанизации, грамотности, распространения информации и пр. явно ускорился. Понятно, что в условиях ускорения исторического развития изменения в обществах не могли вечно тормозиться и не осуществляться¹⁸. Таким образом, длительные задержки назревших

¹⁶ Англиканская церковь вновь заняла твердые позиции в период Реставрации династии Стюартов, оставаясь с тех пор господствующей в Англии.

¹⁷ Хотя Американская революция (борьба за независимость) носила вполне светский характер, роль пуритан и других протестантов, которые переселялись в американские колонии на протяжении XVII и XVIII веков, в этих событиях была весьма велика. А то, что они боролись против короля, возглавлявшего англиканскую церковь, дополнительно их вдохновляло.

¹⁸ Немаловажно, что вместе с диффузией технологий можно наблюдать местами и непосредственное переселение их обладателей (как было в Англии, куда переселялись ре-

и ожидаемых перемен и тем более попытки ухудшить ситуацию запретами и грубыми действиями (как было в Нидерландах и Англии) вызывают ощущение неизбежности слома старой политической конструкции.

После появления обществ, где революции привели к благотворным переменам, потребность в изменениях становится все желаннее. Во-первых, постоянная критика режима (в условиях появления стран с более либеральным режимом и более высоким развитием, какой была Англия для Франции в XVIII веке, Франция для России в начале XX века) вызывает определенный дрейф части элиты к осознанию необходимости изменений (даже и путем революции), хотя потом история доказывает контрпродуктивность их позиции с точки зрения самосохранения (см. об этом ниже). Во-вторых, к этому ощущению добавляются временами такие факторы, как жизнь в течение определенного времени в условиях некоторой либерализации и гуманизации режимов, как было во Франции при Людовике XVI и в России при Николае II. Это одновременно усиливает оппозицию и рост ее требований, уменьшает страх репрессий, дает революционерам больше возможностей для подготовки революции.

Развитие революционного движения: расширение социальной базы, появление новых черт и радикализация. Развитие революции как явления было связано не только с ростом грамотности и развитием печатных технологий, но и – что крайне важно – с ростом социальной базы для революций (буржуазии, горожан, интеллигенции, наемных рабочих и т. п.). Иными словами, по мере развития революций растет и их социальная база, которая в какой-то момент включает в себя абсолютное большинство населения. Реформация захватила широкие слои, но крестьянство в целом было вне этой борьбы. А там, где, как в Германии, крестьяне пытались выступить в качестве социальной силы, их восстания беспощадно подавлялись. Нидерландская революция, хотя и привела к созданию нового режима, а также к развитию нового капиталистического хозяйства, мощнейшему развитию мировой торговли, все же была национально-освободительной и религиозной борьбой, в меньшей степени связанной с внутренними противоречиями. Добавим также, что уровень урбанизации в Нидерландах был необычно высоким для того времени (в Южных Нидерландах уже в начале

месленники из Фландрии, а также из гугенотской Франции). С этим связано и перенесение диссидентской идеологии.

XVI века до 50 % населения составляли горожане, см.: Blockmans 1989: 734), а крестьянство в значительной мере трансформировалось в фермерство.

Английская революция и формирование контуров последующих революций. Первой классической социально-политической революцией стала Английская. По ее влиянию, идеологическому заряду на будущее, по тому, что ей удалось создать новый политический режим, ее, конечно, следует рассматривать как первую великую революцию. Она принесла новые реальности и характеристики во все последующие революции. Прежде всего это была антимонархическая и либеральная революция, разделившая страны в идеологических терминах на тех, кто видел источник легитимности в королевском праве на верховную власть или в праве народа. Английская революция также породила гражданскую войну как способ решения вопроса о власти. Гражданские войны (в том числе и на почве религии), конечно, не были чем-то новым. Однако революционные гражданские войны за монархию или республику можно считать уже новым явлением. Новые идеологические знамена, новые принципы формирования армии (революционной армии) и ее новая тактика, ведущая к победе, затем суд над королем и его казнь – все это характеристики, которые будут заимствоваться последующими революциями.

Мы также видим здесь важные изменения в развитии революционной идеологии, стратегии и тактики: мощная, яростная борьба с применением новых форм использования печатного слова и в целом политической публицистики¹⁹. Особенно стоит упомянуть так называемую памфлетную войну. Также прослеживается формирование политических групп, которые через определенное, довольно длительное время положат начало политическим партиям.

Наконец, Английская революция продемонстрировала определенный цикл развития: от подъема до затухания революции и перехода ее в диктатуру (Кромвеля), а затем реставрации старой системы (королевской власти)²⁰. Но, разумеется, войти в одну воду дважды в политике не удастся. Реставрация была лебединой песней старой монархии, несмотря на то, что в данный период имели ме-

¹⁹ Реформация все же была больше войной проповедей, чем печатного слова, несмотря на то, что роль последнего колоссально возросла.

²⁰ Основываясь на истории Английской революции, Жозеф де Местр (Местр 1997: 158, 169, 187–188), один из ведущих консервативных аналитиков Французской революции, предсказывал в 1796 году реставрацию королевской власти и во Франции.

сто преследования бывших революционеров (это тоже характерная черта, которая иногда повторялась впоследствии в других революциях). Цикл завершился новой, на этой раз почти бескровной («бархатной») революцией 1688 года, положившей начало конституционной монархии (о циклах революционных периодов см. подробнее во второй части статьи).

Наконец, Английская революция, поскольку она была больше политической, чем религиозной, так как борьба в ней шла между двумя политическими центрами: королем и парламентом, показала, что революции – это обязательно борьба за власть и возможность политического строительства.

Американская революция была по форме борьбой за независимость, но по сути – революцией. Идеологически она опиралась на идеи французских просветителей, поэтому внесла ряд новшеств в революционную практику. Во-первых, декларацию прав, которые стали общим местом в последующих революциях. Во-вторых, легитимизацию воли народа, которая становится выше воли монарха. В-третьих, конституцию, которая также стала общим местом в любой революции (поскольку Английская революция произошла намного раньше, Англия не обзавелась конституцией, только конституционной монархией). Наконец, всеобщее вооружение народа (поскольку в Америке не было армии) также стало очень распространенной практикой. Во многих отношениях (не имея в виду, конечно, террор и иные эксцессы) Американскую революцию можно назвать репетицией Французской (тем более что некоторые будущие французские революционеры прошли там «практический курс»).

Французская революция и формирование классических черт революций. В этом параграфе мы только кратко сформулируем новые черты, которые проявились в результате Французской революции, не имея возможности что-либо говорить о ее истории (совсем немного коснемся последней во второй части статьи).

Итак, какие новые черты внесла Французская революция в представления о революциях?

Прежде всего, она имела более широкую социальную базу, чем Английская, поскольку в революционный процесс включилось крестьянство, то есть большинство населения страны.

Вторая черта – Французская революция стала глубоко социальной, пытаясь решить вопросы равенства и земельного реформатор-

ства. Она поставила во всей полноте вопрос об отмене сословий и полном равенстве всех перед законом. Все стали гражданами²¹.

Третья – явно антифеодальный (антисеньориальный) ее характер, при этом шаг за шагом прежние поземельные и сословные отношения в селе изменялись. Это вместе с другими чертами придавало ей особый размах.

Четвертая – изменения в идеологии. С одной стороны, в отличие от Английской революции, стремящейся утвердить право на свободу вероисповедания, Французская оказалась глубоко антирелигиозной. В итоге стремление не только отобрать собственность церкви, но и подорвать саму потребность веры в бога стало затем характерным для будущих революций, так же как и попытка взамен религиозной насадить новую – светскую – идеологию.

Пятая – радикализация революции и постоянный рост требований. Все революции по мере своего развития радикализуются (это стало ясно уже в период Реформации, когда лютеране вынуждены были бороться с анабаптистами и иными крайними реформатами). В революциях (особенно на Западе) основная борьба обычно идет между умеренными и радикалами, отмечал С. Хантингтон (2004: 278). Но этот процесс во Французской революции стал особенно ярко выраженным. В течение первых пяти ее лет мы видим смену все более радикальных групп у власти, а после Термидора в 1794 году – попытки (неудачные) таких переворотов со стороны крайне левых.

Шестая (вытекающая из пятой) – террор в таком небывалом до сего масштабе стал новым грозным (но обоюдоострым) оружием.

Седьмая – новые органы революции и революционные клубы как прообразы революционных партий.

Если Английская революция продемонстрировала, что гражданская война может быть следствием революции, то Французская – что свергнутая элита готова приветствовать иностранные силы, если они помогут ей вернуться к власти. Борьба с интервенцией определила и организацию народной революционной армии. А с этим появились новая тактика и возможности для выдвижения талантливых командиров из низов (в целом это характерно уже и для более ранних революций). Интервенция и борьба с ней с тех пор являются довольно распространенной чертой революций.

²¹ Идея гражданства, несомненно, была навеяна античными, особенно римскими, сюжетами в этом и некоторых других отношениях (идея консулата также взята из римской традиции). Французская революция, конечно, была некоторым подражанием античным примерам.

1.2. Революции в апогее (XIX – первая половина XX века)

Дифференциация революций. XIX век недаром называли веком революций (Хобсбаум 1999), хотя, конечно, XX век превзошел его по их количеству. Увеличение числа революций позволяет создать их типологию, поскольку у разных государств, обществ и народов были разные проблемы и разные цели²². При этом укрепилась убежденность, что с помощью революций можно решить самые разные проблемы. И если ранее революции были в некотором роде продуктом сложившихся обстоятельств, то теперь к этим объективным факторам, соответствующей идеологии, критике существующего порядка и призывам к изменениям добавились еще и сознательные усилия по подготовке революций, причем в течение длительного времени, профессионализация деятельности революционеров. В итоге новыми чертами стали: 1) организации революционеров, в том числе глубоко законспирированные (неудивительно, что прежние формы такого рода организаций, например масонские ложи, также активно для этого использовались); 2) сознательная и длительная агитация за революцию.

Интересно отметить, что религиозных революций в XIX веке практически уже не наблюдается (хотя требования свободы вероисповедания становятся почти дежурными)²³. Зато появляются но-

²² Краткий анализ революций XIX века см. также в написанной мною главе 11 «Революции и революционные движения» во втором томе книги «Историческая глобалистика» (Зинькина и др. 2017).

²³ Такая революция неожиданно произошла во второй половине XX века в Иране (1978–1979 годы), что было связано, по моему мнению, с двумя моментами (помимо исторических особенностей взаимоотношений религиозных лидеров и светской власти в Иране): с тем, что Ближний и Средний Восток типологически достиг уровня развития Европы XVI–XVII веков, и с тем, что в мире роль революций в историческом процессе пошла на убыль. Исламская революция в Иране представляла собой новую идеологическую модель, соперничающую с «западными» и «восточными» революционными традициями и крупными идеями (Джанаби 2015: 58–59). Однако важно отметить, что и первая иранская революция (1905–1911 годы) также имела очень сильную религиозную окраску, и в ней ведущую роль, особенно на первом этапе, играло духовенство (Дорошенко 1998: 8–9). Народ, будучи невежественным, фанатично верующим и связанным религиозными традициями, послушно следовал не столько за «либералами», сколько за своими духовными вождями. И когда шиитское духовенство отвернулось от революции, повиновавшаяся толпа пошла за ним. Е. А. Дорошенко также приводит мнение других иранистов, согласно которому участие верхушки духовенства в руководстве революционным движением было связано с соперничеством со светской властью в области образования, права, влияния на народ, с тем, что она была заинтересована в ослаблении светской власти и сохранении своего влияния на государственную политику. А отход улемов и мулл от революции произошел тогда, когда для них стал проявляться ее «антиисламский потенциал» (Там же: 13–17). По мнению других исследователей, революция 1905–1911 годов была «прямым столкновением» двух идеологий: ислама и западного модернизма (Там же: 18). То же самое можно сказать и о революции 1978–

вые типы революций. Какие из них можно выделить в XIX – первой половине XX века?²⁴

1. Революции, связанные с тем, что сегодня назвали бы государственным строительством, стремившиеся к тому, чтобы объединить раздробленные на многие государства нации, которые ощущали себя едиными. Прежде всего речь идет о Германии и Италии. В отношении последней следует заметить, что это была одна из немногих, если не единственная, революция, которая совместно с государством (Пьемонтом) способствовала объединению страны. Позже Германия объединилась «сверху». Но в период революции 1848–1849 годов там действовал, хотя и безрезультатно, Всегерманский парламент.

2. Националистические революции, когда нации стремились получить независимость или автономию. Национализм стал спутником индустриализации, модернизации, культурного развития. В 1848–1849 годах такие революции произошли, например, в Чехии и Венгрии.

Стоит заметить, что если националистические революции стали исключительно распространенными и остаются такими до сих пор, то революции объединительные остались редким явлением²⁵.

3. Либерально-политические революции, основная задача которых была связана с установлением в той или иной форме демократии или более либерального политического строя и расширения прав и свобод. Таковыми были, например, революция 1830 года во Франции, революции 1848–1849 годов в Австрии, Пруссии, ряде германских государств.

4. Социальные/социалистические революции, где главными становились именно социальные вопросы, а изменение политического режима рассматривалось как средство достижения социальных целей. Таковыми стали на определенном этапе революции

1979 годов. И с учетом этого иранские революции, особенно вместе, действительно представляют собой уникальные явления и в известном смысле не имеют аналогов в истории (Дорошенко 1998: 8).

²⁴ Почти весь их спектр проявился уже в период европейской «Весны народов» в 1848–1849 годах. И это одна из причин рассматривать данный каскад революций в целом как одну великую революцию по своим последствиям.

²⁵ Этот редкий тип революций позже практически не имел места, разве что в 1989 году в ГДР, где важнейшим мотивом стало именно желание объединиться с Западной Германией. Возможно, что в качестве таковых (с некоторыми натяжками) можно рассматривать события на Донбассе и чуть раньше – на постсоветском пространстве в Приднестровье и Южной Осетии.

1848 и 1870–1871 годов во Франции. Но как тип социальные революции характерны уже для XX века, когда после Октября 1917 года они стали приобретать социалистическую направленность.

5. Антиколониальные революции (которые продолжались с 1812 года в Латинской Америке, но в XX веке охватили Азию и Африку)²⁶.

Появление новых информационных технологий – телеграфа и телефона – привело к существенной интенсификации революционных событий. Информация о революционных событиях распространялась теперь со скоростью света. Соответственно, отклик на них также ускорялся, если в обществе были подходящие для этого условия. Железные дороги позволяли революционерам и группам быстро перемещаться. Но это же, естественно, изменило и тактику правительства.

Новыми явлениями в революции стали:

1. Революционные вооруженные восстания в городах (отметим, что со времен Французской революции особенно возросла роль столиц, хотя в ряде случаев, например в Латинской Америке, действовал паттерн движения революции с периферии). Соответственно, формировалась и революционная тактика таких восстаний с сооружением баррикад на узких улицах (которые стали характерными на следующие столетия с лишним лет). Первым таким вооруженным восстанием народа стали июльские события во Франции в 1830 году.

2. Интернационализация революционного движения. Правда, такой интернационал первыми создали монархи Европы в 1815 году, тем не менее после 1849 года интернационалы стали важнейшей частью революционного движения. Идеология их была выражена в лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

3. Создание революционных политических партий (как легальных, так и нелегальных).

4. Определение собственно социальной базы, которая расширялась (пролетариат, интеллигенция, в результате роста образования – студенты, учащиеся), и систематическая пропаганда в этих слоях.

5. Появление идеологий, которые ставили пролетариат на ведущее место, принижая роль крестьянства и мелкой буржуазии.

²⁶ Приведенная типология – лишь одна из возможных, типологии можно проводить по разным основаниям. Для отечественного читателя наиболее известной является марксистская: буржуазные (в том числе и буржуазно-демократические) и социалистические революции.

6. Повышение роли интеллигенции в революционной идеологии, революционных действиях.

7. Газеты как важнейшее информационно-идеологическое оружие.

Характерно, что революционные события в течение XIX века и даже начала XX века не были связаны с массовым террором, хотя правительство в том или ином случае прибегало к массовым репрессиям в отношении инсургентов.

Однако в связи с распространением революционизма как идеологии, стремящейся к радикальным изменениям в обществе, переделу собственности и т. п., появились новые идеи и тактики, в том числе захвата власти путем удачного восстания (бланкизм). Другой тактикой, которая, к сожалению, укоренилась и сегодня стала проклятием нашего времени, был революционный терроризм (сначала индивидуальный террор против представителей власти с целью отомстить, проявить себя и запугать власть, а затем и массовый террор против случайных людей). Вне всякого сомнения, именно новые способы распространения информации, когда публика быстро узнавала о терактах, в огромной степени способствовали развитию этой тактики. Возможно, первыми ее стали применять итальянские карбонарии, ее активно использовали ирландские националисты, политический террор против главы государства, возможно, стал изобретением русских народников.

Усиление социалистической идеологии в революциях XIX – начала XX века. Развитие промышленности, рост численности рабочих и горожан, общая гуманизация жизни, необходимость соблюдения гигиены и порядка в городах и т. п. привели к тому, что повысились требования к минимальным нормам уровня жизни и гигиены, социальным гарантиям со стороны общества. Стоит добавить и появление такого вида социального бедствия, как экономический кризис, который существенно ухудшал экономическое положение рабочих. При этом концентрация рабочих в определенных местах, на предприятиях облегчала их организацию, борьбу за свои права (а равно делала их мощным источником социальной нестабильности и революционной силой). Одновременно усиливались симпатии к положению рабочего класса со стороны более зажиточных слоев общества и интеллигенции. Рост объемов производства довольно длительное время совмещался с наличием или даже усилением социального расслоения и разрыва в уровне жизни (говоря современным языком, индекс Джини был высоким и порой существенно возрастал). Все это вело к тому, что усиливались социали-

стические идеологии, которые концентрировались как на критике реальности, так и на проектах переустройства жизни. Революция в Париже в июле 1848 года переросла в социальную. Следующая революция 1870–1871 годов также превратилась в социальную (Парижская коммуна).

Особенностями социальных революций было то, что они начинали перерастать в социалистические (как было с Парижской коммуной). Соответственно, радикализация в таких революциях возрастала, поскольку под сомнение поставлен был важнейший институт общества – частная собственность. А это уже означало чрезвычайную и радикальную перекройку всей социальной ткани общества, практически большинства его институтов. *В итоге важным направлением развития общественного сознания стал рост популярности идеологии радикальных социальных изменений с помощью революций, когда они представлялись ключом от рая будущего справедливого общества, мостом от предыстории к настоящей истории.*

Социалистическая революция в России зашла намного дальше предшествующих ей, как в плане террора, так и в плане радикальных социальных изменений.

В качестве новых революционных технологий, которые появились в ее ходе, нужно отметить следующие.

1. Создание тоталитарной партии, которая стала важнейшим революционным оружием, способным интегрировать даже разные по национальным характеристикам регионы. При этом идея полной монополии власти укрепилась не сразу, но уже в ходе Гражданской войны и после победы в ней, став основой нового строя. Тоталитарная партия стала абсолютно новым явлением в мировой практике.

2. Тоталитарная власть, то есть полная монополия на власть во всех ее видах, не только в политическом, но и в экономическом и духовном плане. В период Французской революции уже намечался такой поворот, однако он был кратковременным. Теперь это явилось основой новой социально-политической системы и стало повторяться в разных вариантах в других обществах.

3. Значительное расширение временных рамок революционного периода, в течение которого возврат к нормальной жизни происходит только частично. Это было связано с тем, что социальная ломка оказалась чрезвычайно радикальной, соответственно сопротивление ей и террор против реально и потенциально недовольных были

очень сильны. Планы и масштабы социальной ломки были столь обширны, а число потенциальных врагов этих планов столь велико, что требовалось длительное время, чтобы их реализовать.

Активно и более широко, чем раньше, использовались уже опробованные революционные методы. Это массовый террор, включая казни заложников, создание особого карательного органа, привлечение военных специалистов из социально враждебной среды под угрозой жизни их семей; создание революционных комитетов на низовых уровнях, массовое распространение новых революционных органов, полная перестройка всей системы управления.

Китайская социалистическая революция – единственная из великих, где наступление революции шло не из центра, а с периферии. Китайская революция завершилась в результате нового этапа гражданской войны в 1946–1949 годах, когда Народно-освободительная армия Китая во главе с Мао Цзэдуном и его военачальниками победным маршем прошла из глубинных районов страны в столицу. Такого рода тактика наблюдалась в американских революциях, но не европейских.

1.3. Уменьшение роли революций в историческом процессе (XIX – вторая половина XX – начало XXI века)

Между 1950-ми и 1990-ми годами было не так мало революций, но они захватывали периферийные или в лучшем случае полупериферийные страны, и их роль для исторического процесса была не столь значительной. Среди них можно упомянуть некоторые социалистические (завершение революций во Вьетнаме и на Кубе), ряд национально-освободительных движений, переросших в кровопролитные, в том числе гражданские, войны (Алжир, Мозамбик, Ангола). Об иранской революции выше уже шла речь.

При этом целый ряд «революций» были по форме военными переворотами, хотя по критерию смены политического режима (с монархии/диктатуры на республику или народную республику, джамахирию и т. п.), по размаху изменений, социальных пертурбаций, активизации в итоге народных масс они выглядят как полноценные революции. Наиболее известные из них – революция 1952 года в Египте, а также несколько переворотов на Ближнем Востоке, в том числе революция 1969 года в Ливии под руководством М. Каддафи.

Такой вид революции можно назвать модернизационной, поскольку она совершается с определенной целью ускорить развитие

страны (при этом выбор социально-политического пути, режима и т. п. является в значительной мере конъюнктурным делом). Такие революции мы наблюдали и в XIX – начале XX века (например, в Латинской Америке, Турции).

Новым видом революций стали антисоциалистические, направленные против тоталитарного режима. Это революции в Венгрии 1956 года, Чехословакии 1968 года, Польше 1981 года. В какой-то мере их можно рассматривать как национально-освободительные, поскольку целью был также уход из-под влияния СССР. Этим объясняется и то, что некоторые из них были инициированы сверху.

Наконец, 1989 год – это волна революционных движений в социалистических странах Европы (об особенностях революции в ГДР мы уже говорили). Некоторые из них были «бархатными», как революция в Чехословакии. Также не все из них (как и революционные движения в республиках СССР) можно считать полноценными революциями, поскольку они были связаны с геополитическим катаклизмом – быстрым сокращением сферы влияния и затем распадом Советского Союза, формированием однополярного мира.

Что касается «бархатных» революций, то история подобных политических переворотов начинается со Славной революции 1688 года в Англии. Несколько таких революций демонстрируют нам последние десятилетия исторического процесса, среди которых, в частности, можно упомянуть «революцию гвоздик» 1974 года в Португалии. Но это, как правило, уже последний акт революционных изменений, то есть за ними стоит довольно длительная история попыток демократических преобразований и предшествующих революций. Вот почему они обычно проходят довольно быстро и без кровопролития. Если же общество недостаточно модернизировалось, то надеяться на «бархатность» революции не приходится, поскольку его ждут серьезные перемены, которые не могут пройти легко. Поэтому даже если первый этап революции происходит быстро и без большого кровопролития, то дальнейшие революционные шаги вызывают ожесточение и усиление внутренней борьбы. Последний пример – ситуация в Египте 2011 года, за которую сегодня приходится расплачиваться чудовищным разгулом исключительно кровавых террористических актов.

Последняя волна революций – так называемые «цветные» (подробнее см.: Гринин и др. 2016: введение). Эти революции в значительной мере превратились уже в орудие геополитической борьбы, что окончательно снизило роль революций как фактора историче-

ского прогресса. С другой стороны, часть революций новейшего времени не были «цветными». Так, хотя идет дискуссия о роли внешнего влияния в событиях «арабской весны» в Тунисе, Египте, Йемене, по моему мнению, эти революции были вызваны в целом внутренними процессами и силами, несмотря на то, что давление из США и других стран на правительства (Х. Мубарака, например) в плане запретов использования силовых акций значительно облегчило положение протестующих²⁷.

Таким образом, мы рассмотрели пятисотлетний путь от великих революций к «бархатным» и далее к «цветным». Что можно сказать в качестве вывода?

Так или иначе, мы видим, что как средство обеспечения прогресса в обществах, условно говоря, магистральной линии исторического прогресса революции достигают своего апогея в середине XIX века (1848–1849 годы); как способ создания альтернативной линии исторического развития (в частности, социализма) – в 1917–1949 годах. С этого времени их творческий потенциал постоянно снижается. Каковы будут новые революции, покажет время. Возможно, они затронут и страны с устойчивой демократией, которых они ранее не касались (поскольку в таких обществах есть иные способы изменения законодательства и институтов). Последние события в США или Испании (в Каталонии) говорят о том, что современные демократические общества не всегда способны решить противоречия именно институциональным путем, что большая часть граждан в них готовы добиваться своего посредством прямой борьбы с выдвижением требований, которые явно противоречат конституции и основным законам страны.

Часть 2. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ

Первый параграф этой части является связкой между ней и первой частью. Второй параграф затрагивает важный аспект, связанный с этапами цикла, которые проходят революции и послереволюционные эпохи. Наконец, третий параграф значим именно для данного журнала, так как он касается психологических аспектов поведения элиты перед революцией и во время нее.

²⁷ Иное дело Сирия и особенно Ливия, где инспирация из-за рубежа и прямое вмешательство в события были намного более активными.

2.1. Об информационных технологиях

Итак, мы видели, что революции очень тесно связаны с новыми информационными технологиями и активно их используют в своих целях. Можно отметить, что каждая новая революционная эпоха использует свои средства. Так, для Английской революции это были памфлеты и прочая публицистическая и агитационная литература (газеты еще не стали серьезным политическим оружием). Развитие почты также способствовало распространению информации, в частности, существенно облегчило революционерам коммуникацию, хотя одновременно предоставило тайной полиции мощное средство выявления недовольных. Памфлеты играли большую роль в период до Французской революции и во время нее. Но уже появились и политические газеты, родившиеся из памфлетов. Удачные памфлеты становились периодическими, как, например, знаменитый «Друг народа» Марата. В результате такие политические газеты превратились в основной вид публицистики. Они (а также и обычные газеты, через которые новости в основном и распространялись) стали ведущей информационной технологией в XIX веке, наряду, конечно, с книгами, журналами и листовками (памфлеты также продолжали играть заметную роль). «Новая Рейнская газета», для которой К. Маркс писал в период революции 1848–1849 годов, – хорошо известный россиянам пример. Газеты оставались важнейшей формой революционной агитации еще очень долго. Чем лучше развивались почта и система распространения газет, тем большую роль они играли. Но с появлением телеграфа и телефона у революций появились новые возможности²⁸. С развитием Интернета, социальных сетей возможности революционной мобилизации существенно возросли. Отметим, что, хотя XX век создал принципиально новые средства информации – радио и телевидение (не считая кино и кинохроники), они не сыграли столь важной роли в революционных волнах, как газеты или социальные сети. Напротив, они скорее стали мощной поддержкой появившихся тоталитарных режимов (так же, как, впрочем, и кино). Объясняется это, на наш взгляд, тем, что в отличие от газет и социальных сетей это намного более централизованные средства массовой информации, которые проще контролировать правительствам. Телевидение – это

²⁸ Поэтому вполне логично, что важнейшей целью во время октябрьского восстания был захват телефона и телеграфа.

СМИ, требующие огромных вложений капитала (в отличие от газет и даже радио). Поэтому они редко попадают в руки революционной оппозиции²⁹. Кроме того, получить доступ к такого рода средствам в условиях жестких режимов было крайне сложно, а в условиях реальной демократии политические амбиции направлены на победу на выборах, а не на баррикадах. Зато появление компьютерных технологий, особенно Интернета и социальных сетей, которые, в отличие от телевидения, оказались децентрализованными и способными обслуживать огромное количество пользователей целевым образом, сыграло важную роль в новой волне революций 2000-х годов.

2.2. Этапы революционных изменений³⁰

Революция, закон термидора и реакция. О том, что революции и в целом эпохи, с ними связанные, в разных странах могут иметь похожие стадии, начали говорить уже в конце XVIII века. После завершения эпохи, связанной с Великой французской революцией и Реставрацией Бурбонов, это стало более очевидно (см. выше о Местре). Через сто лет, после Октябрьской революции, это стало понятно уже достаточному числу интеллектуалов. Одной из идей было то, что после революционного прилива должен следовать отлив. «Все революции кончаются реакциями. Это неотвратимо, это закон», – писал знаменитый российский философ Николай Бердяев (1990: 29)³¹. Для реакции был и другой термин – термидор, пришедший из истории Французской революции³². Те русские интеллектуалы, которые не поддерживали революцию, но понимали, что ее надо принять и признать как неоспоримый факт и действо-

²⁹ Телевидение могло играть роль как средство вызвать симпатии к революциям на периферии (или наоборот). Также и подъем терроризма не в последнюю очередь был связан с распространением телевидения. Пожалуй, роль последнего была высока только в череде антикоммунистических революций в Европе, когда представители оппозиции уже по факту имели на телевидении много сторонников и, используя идею свободы слова и информации, активно готовили страны к изменениям.

³⁰ Поскольку в нашем журнале ранее была напечатана статья о стадиях революции (Шульц 2015), это избавляет меня от необходимости останавливаться на части сюжетов этой проблемы. Я уделю внимание только некоторым аспектам этого вопроса, в частности связи цикла революции с развитием ее идеологии.

³¹ Анализ этого «закона» см.: Гринин, Коротаев 2014.

³² 9 термидора по революционному календарю (27/28 июля) 1794 года произошел переворот, в результате которого была свергнута якобинская диктатура, М. Робеспьер, Л. А. Сен-Жюст, Ж. Кутон и другие революционеры были казнены, а к власти пришли Ж. Фуше, П. Баррас и др., объединившие противников робеспьеристов.

вать соответственно, могли думать и мечтать о термидоре после Октября, который позволил бы стране и им хотя бы на каком-то уровне вернуться к прежней жизни. Вот почему уже в 1921 году Николай Устрялов в статье «Patriotica», напечатанной в Праге в знаменитом сборнике «Смена веков»³³, озаглавливает вторую часть этой статьи как «Путь термидора» (Устрялов 1921). В ней он предлагает, приняв факт революции, ожидать перехода к термидору, то есть к трезвому учету действительности. «Тяжелая операция, – но дай ей Бог успеха!» – восклицает он. Устрялов начинает свое исследование указанием на то, что не он первый заговорил о термидоре в Русской революции. Кронштадтский мятеж стал сигналом к тому, что некоторые русские публицисты в Париже стали говорить о «русском термидоре». В частности, «Последние новости» П. Н. Милюкова (а это был очень эрудированный историк) посвятили даже несколько статей установлению аналогии между процессом, совершавшимся в России, и термидорианским периодом Великой французской революции. Устрялов пытается ответить на вопрос, в какой мере справедливы эти аналогии и что такое «путь термидора», и приходит к выводу, что не важно, состоится ли свержение прежних кумиров революции и затем изменение курса, или нынешние вожди окажутся вполне прагматичными, чтобы изменить курс, – главное, что путь термидора в перерождении тканей революции, в преображении душ и сердец ее агентов. Революция в итоге спасается от собственных излишеств, переходит к трезвому учету ситуации (Там же).

Переход к нэпу действительно давал надежду на термидорианский поворот в Русской революции. Но Устрялов, Милюков и другие не учли того, что сам паттерн революции меняется в течение исторического процесса. И того, что если Французской революции требовался лишь довольно короткий период террора, то в российской революции через 9 лет после ожидавшегося термидора начнется новый виток революционных изменений, новый виток социального террора, по размаху ломки едва ли не превзошедший собственно революционный. Мало того, ей потребовалось, чтобы террор стал перманентным (такой же путь был пройден впоследствии Китайской и некоторыми другими социалистическими революциями).

³³ О его предшественнике сборнике «Веки» сказано ниже.

Несколько лет спустя после обсуждения пути термидора в среде русской эмиграции о партийном термидоре заговорил Л. Д. Троцкий и его единомышленники, которые были разгромлены во внутрипартийной борьбе³⁴. При этом важно учитывать, что троцкисты стояли на левых позициях активизации мировой революции и признания невозможности построения социализма в одной стране. А И. В. Сталин и его сторонники как раз собирались, не дожидаясь мировой революции (надежды на которую становились все призрачнее), строить социализм именно в СССР.

Таким образом, переход от неистовой ломки социальных и иных отношений, апогея насилия и террора к более умеренной политике просматривается как закономерность в ряде революций. В этой связи нельзя не отметить интересный факт, что в советской историографии такую закономерность признавать не хотели не только для социалистической, но даже для буржуазной революции. В частности, Великую французскую революцию датировали 1789–1794 годами (см.: Манфред 1974), между тем как везде (в том числе и сегодня в отечественной историографии) признается, что фактически революция продолжалась, хотя и не так интенсивно, до захвата власти Наполеоном. В 1795 году была принята новая Конституция Франции, соответственно Конвент был распущен. Была учреждена Директория, то есть коллективное правительство государства, состоявшее из пяти директоров. После переворота 18 брюмера Наполеон формально заменил Директорию консулатом, который формально оставался революционным органом до 1804 года (объявления Наполеона императором).

Идеология и закон термидора. Как мы видели, идеология – важнейший элемент революции. Разумеется, идеология всегда есть результат работы: 1) общих материальных причин: развития технологии, роста населения, урбанизации, роста грамотности и т. п.; 2) социально-экономических требований, нужд, желаний. Но, конечно, это и всегда результат интеллектуальной и духовной работы группы лидеров/идеологов или в целом интеллигенции. При этом результат часто зависит от ряда исторических особенностей, индивидуальных причин и духовных наклонностей идеологов.

³⁴ Впрочем, сам Троцкий не претендовал на первенство, указывая в одной из антисталинских статей, что сейчас нелегко установить, кто первый прибег к исторической аналогии с Термидором. Во всяком случае, уже в 1926 году группа «демократического централизма» (замученный Сталиным в ссылке В. М. Смирнов, Т. В. Сапронов и др.) утверждала: «Термидор – совершившийся факт!» (Троцкий 1935).

Несмотря на то, что идеология связана с объективными факторами (в плане того, что появление идеологии может быть вызвано теми или иными изменениями и процессами), по своей природе она всегда как бы оторвана от практики, поскольку стремится к совершенству, идеалу. Отсюда практическое внедрение идеологии всегда сталкивается с реалиями, которые в дальнейшем становятся все более серьезным препятствием. Но революционеры на то и революционеры, чтобы ломать препятствия, невзирая на цену, напротив, чем круче ломка, тем лучше. В этой связи чем глубже удастся внедрить идеологию, тем сильнее возникающие противоречия. Ведь политика – искусство возможного. Попытки ввести чистую идеологию всегда оканчиваются серьезными проблемами, а также неизбежными откатами от революционных идеалов.

Что означает закон термидора в отношении революционной идеологии и революции? Он показывает, что необходим какой-то компромисс между традициями, здравым смыслом, практическими потребностями и революционной идеологией. Термидор выступает как значимая попытка прагматичного поиска путей завершения революции (Полякова 2014). Это обычно не означает открытого разрыва с революционной идеологией. Но жизнь диктует свое, поэтому продолжение нахождения революционного режима у власти требует создания такой системы управления, которая сумеет каким-то образом ограничить фантазии и учитывать объективные законы жизни. Иногда для этого подправляют идеологию, иногда делают вид, что сложившаяся ситуация и есть то, чего добивались. Но так или иначе в итоге возникают различные вариации опоры на реальность. Начинается «спуск на тормозах» от великой утопии к трезвому учету обновленной действительности и служению ей (Устрялов 1921)³⁵.

Радикальная идеология если и может приносить пользу, то, подобно сильному концентрированному веществу, только в разбавленном и дозированном виде. В другом случае она несет вред или даже смерть. Социализм относился именно к такой радикальной идеологии, которую можно было внедрять в жизнь только постепенно, дозированно и в отдельных направлениях. Как показала практика, в таком виде в некоторые периоды или в некоторых обществах это могло дать положительный эффект, стать важной ча-

³⁵ О соотношении идеологии и практики см. также в одном из предыдущих выпусков нашего журнала (Назаретян 2016).

стью системы. В случае попыток строить жизнь по этой идеологии результат оказывался плачевным. Сказанное касается и ярого национализма, и религиозной идеологии (например, исламизма). Таким образом, как это ни цинично, твердые приверженцы идеологии приводят общество к плачевным для него результатам, тогда как оппортунисты могут приводить его к более успешным.

Радикальная идеология, как и революции в целом, приносит наибольшую пользу, когда ее сторонники, находясь в оппозиции, выдвигают лозунги и требования, которые более прагматичные правящие элиты в определенные периоды вынуждены учитывать и каким-то образом, в какой-то степени претворять в жизнь.

По-своему закон термидора проявляется в обществах, объективно еще не доросших до уровня, когда революции становятся неизбежными. Однако за счет заимствования идеологий и практик революций в более развитых странах в них складываются определенные группы и органы информации, в итоге социальные протесты и недовольство канализируются в объективно более высокую социальную форму, чем это должно было быть. Таковы, на наш взгляд, революции на Востоке в начале XX века. В этом случае возврат к диктатуре может наступать довольно быстро, как это произошло в результате Синьхайской революции в Китае.

Революционный цикл. История Французской революции однозначно показала, что революция проходит определенный цикл. Схематически это выглядит так. Сначала идет нарастание революции. Либо к власти приходят все более радикальные революционеры, либо происходит радикализация тех сил, которые находятся у власти (но при этом, конечно, идет размежевание внутри лагеря революционеров). Наконец революция и террор доходят до своего пика³⁶. Затем, после того как поддержка революции сокращается, так как общество от нее устает, а экономика приходит в упадок (а также в период, когда основные военные опасности отступают), происходит определенный откат. Наступает естественная реакция на перенапряжение сил. В лагере революционеров это может выразиться в ожесточенных дискуссиях, расколах, прямой борьбе, по-

³⁶ Однако как в этот период, так и позже могут иметь место и попытки осуществить и еще более радикальные преобразования, но они обычно не получают поддержки или терпят прямое поражение. Применительно к Французской революции можно упомянуть так называемых «бешеных» и «заговор равных» Г. Бабёфа (1796 год), участники которого ставили целью уравнивание имущества. В Советской России накануне введения нэпа было немало горячих голов, которые стремились к походу в Европу, чтобы ускорить мировую революцию.

рой и в виде физического уничтожения наиболее радикальных революционеров (как было во Франции в конце XVIII века). Тогда и наступает этот самый период термидора, который может иметь несколько этапов. Так, в СССР, как мы видели, можно говорить сначала о революционном термидоре, связанном с принятием новой экономической программы на X съезде РКП(б) и с «закручиванием гаек» в виде усиления партийной дисциплины (запрета фракций и т. п.). А затем еще и о партийном термидоре (Троцкий говорит о его начале с 1924 года [Троцкий 1935], но это стало особенно заметно с 1927–1928 годов), когда в результате ожесточенных партийных дискуссий было принято решение о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране. К 1929 году все оппозиционные движения были разгромлены, а их лидеры в той или иной мере были лишены своего влияния (Троцкий находился в ссылке), позже репрессированы. В отношении партийной дисциплины «гайки были закручены» уже весьма сильно. Но интересно, что завершение термидорианского переворота в партии совпало с новым революционным приливом 1929–1933 годов, в результате которого была ликвидирована крестьянская собственность, а крестьяне как класс (социальная группа) трансформировались, по сути, в государственных крепостных.

В дальнейшем, как свидетельствовали Английская революция и французские революции конца XVIII века и 1848 года, откат революции (термидор) мог продолжиться, трансформируясь в режим личной диктатуры, которая затем могла перерасти и в форму монархии. В Англии диктатура Кромвеля не переросла в монархию³⁷, но во Франции в обоих случаях республика превратилась в империю. Такой режим получил название бонапартизма. Двойственность такого режима, который не был ни республиканским, ни традиционно монархическим, поскольку новоявленный император продолжал рассматриваться как узурпатор, наградила его особыми чертами, связанными с попытками маневрировать между различными слоями общества, менять курс, пытаться опираться на народную поддержку. О бонапартизме в широком смысле, пожалуй, впервые заявил К. Маркс в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», написанной в связи с военным переворотом, совершенным племянником Наполеона I Луи Бонапартом, который с 1848 года

³⁷ Хотя какое-то движение в эту сторону было, ведь именно своего сына Ричарда Оливер Кромвель назначил преемником на посту лорда-протектора.

был президентом Французской республики. Через год он стал императором Наполеоном III³⁸. Революция движется, таким образом, по нисходящей линии, отметил Маркс (1957: 141). Термин «бонапартизм» обозначал сначала послереволюционную диктатуру, а затем любой режим личной власти, который маневрирует между различными социальными силами, и довольно часто употреблялся и употребляется в политическом дискурсе. В том числе он использовался и Л. Д. Троцким в указанной выше статье в отношении сталинского режима (Троцкий 1935).

Таким образом, можно сделать вывод, что всякая революция – это забегание вперед, тем более великие революции, которые могут заходить очень далеко в процессе социальной ломки³⁹. Это ведет к тому, что на каком-то этапе начинается откат. Революции такого рода – это попытки строить жизнь не по критериям практики, а по идеологическим лекалам. Но такой разрыв между стремлением к воплощению революционного идеала на практике и реалиями, которые не хотят подстраиваться под книжный образец, не может быть слишком длительным. Отсюда неизбежность сначала торможения революционной волны (**термидор**), а затем определенного отступления к прежним нормам (**бонапартизм**).

Исходя из сказанного, в революционном периоде следует выделить несколько этапов (но это касается, конечно, только победившей революции). Некоторые, как Р. Р. Вахитов, говорят о трех этапах. «Обычно их называют, – пишет он, апеллируя к Великой французской революции, – соответственно якобинство, термидор и бонапартизм» (Вахитов 2004). Но это не совсем верно. Дело в том, что якобинство никак не может быть первым этапом. Якобинство – это апофеоз революции, а этому апогею предшествуют минимум два периода (легкой победы революции, нарастания революционных требований), далее может быть приход к власти более радикальной силы и только затем – предельная радикализация (якобинство).

³⁸ Продление полномочий на 10 лет было закреплено референдумом 21 декабря 1851 года; превращение президентства в монархию – референдумом 21 ноября 1852 года. На обоих действия Луи Бонапарта были одобрены подавляющим большинством голосов.

³⁹ Умеренность революционных требований – определенный залог успеха революции (в смысле того, что общество относительно легко ее переносит и довольно быстро возвращается к нормальной жизни, при этом получая довольно сильный импульс к развитию). Повышенные социальные требования в случае победы революции – это коренная переделка общества с огромными затратами, с уходом на время от общеисторической колеи. При этом важно, что более медленное, но спокойное развитие в итоге оказывается успешнее, тише едешь – дальше будешь.

Возьмем революцию 1917 года. Только до Октября можно насчитать минимум два указанных больших этапа, скажем, до апреля 1917 года и после апреля до Октября. А после еще был путь до начала большевистского террора летом 1918 года; этот период примерно до 1920 года и можно признать апогеем (якобинством).

Выше мы также видели, что могут быть и такие этапы, как реставрация и затем повторная революция (какой была Славная революция 1688 года в Англии). С другой стороны, какие-то этапы могут и не реализоваться в конкретной революции.

2.3. Потеря элитой чувства самосохранения

Начать обсуждение следует с положения, которое высказывалось в литературе, но, к сожалению, не получило широкого распространения. Между тем оно заслуживает самого пристального внимания. Речь идет о том, что в определенные сложные периоды, в том числе и в период начальных фаз революции, правящая элита, а также близкие к ней слои словно теряют чувство самосохранения⁴⁰. Они не просто оказываются не готовыми к тому, чтобы сплотиться перед лицом надвигающейся угрозы народных волнений и поддержать неустойчивую власть, которая, несмотря на все ее недостатки и пороки, им гораздо ближе. Они и сами либо фрондируют этой власти, либо прямо агитируют против нее, приветствуя революционеров и надвигающуюся революцию, а то и непосредственно в ней участвуют. Прозрение наступает только уже в ходе революции, особенно когда революционная ломка захватывает ши-

⁴⁰ В частности, Т. Веблен утверждал, что праздный класс в некоторые периоды может утратить инстинкт самосохранения. Таково, было, например, поведение римлян во время варварских нашествий в поздней Римской империи. В одной из книг, анализирующих социологические теории, авторы, правда, пытались поправить Веблена, утверждая, что праздный класс теряет не чувство самосохранения, а навык собственной защиты, то есть что римляне могли разучиться защищать себя, забыть, как это делается, имея в виду, что варвары везде их заменили (Adams, Sydie 2002: 253). Иногда мы действительно наблюдаем такую беспомощность, какую, например, показывали европейские администраторы перед нашествием мигрантов в 2015 году. Они, говоря словами А. И. Крылова, оказались неспособными «власть употребить». Это может наблюдаться и в случае, когда на наиболее ответственных местах, например на производстве, работают не автохтоны, а приезжие. С. Хантингтон (2004: 278) также отмечает утрату «прежней элитой воли к власти и способности управлять» перед революцией. Но бывают ситуации, когда элита теряет именно инстинкт самосохранения. К этому также может добавляться стремление подражать более развитым обществам, вводя учреждения и институты, которые не соответствуют интересам элиты и к которым не готово общество. Введение демократических институтов, в результате чего элита может потерять свою власть, – нередкий случай. На нашей памяти это произошло в период правления М. С. Горбачева, при этом никакой особой нужды для такого крутого поворота к демократии не было.

рокие слои населения и различные институты и для такой ломки привлекается террор, порой и после революции. Так, в феврале – марте 1917 года все командующие фронтами поддерживали революцию в Петрограде, ни один из них не поддержал императора и главнокомандующего Николая II, напротив, все рекомендовали ему отречься от престола. И только позже они поняли, что революция, с которой они почему-то связывали надежды на активизацию военных действий, ведет Россию к военному поражению и катастрофе. «Кругом измена и трусость, и обман!» – записывает Николай II в своем дневнике 2 марта 1917 года (Дневники... 1991: 625). Но и сам император не проявил никакой воли к власти в этот решающий момент, напротив, он торопится отречься, как будто видит в этом хороший повод сбросить с себя бремя власти. Затем с легкостью отрекается от трона, который укреплялся 300 лет, его брат Михаил. И никто из царской семьи не решается возглавить борьбу за сохранение монархии. В 1991 и 1992 годах лидеры Коммунистической партии СССР и новорожденной КПРФ с легкостью дали разрушить и СССР, и КПСС. В 1993 году во время противостояния президента и Верховного Совета многие из них за это поплатились.

Однако такая потеря воли к власти и чувства самосохранения характерна не только для России, но и для многих других революционных эпох.

В мае 1789 года в Париже собрались Генеральные штаты. Выборы происходили по сословному признаку. Однако в итоге очень многие делегаты от дворянства и духовенства присоединились к делегатам третьего сословия, чтобы составить революционное Учредительное собрание, которое своими декретами и начало, по сути, Великую французскую революцию. А ведь дворянство и духовенство во Франции пользовались исключительными льготами⁴¹.

Отметим, что инстинкт самосохранения, потеря чувства необходимости бороться за власть, за сохранение своих позиций может теряться и в другие переломные эпохи. Так, поразительно беспомощными и неготовыми ничем жертвовать ради страны выглядят французские военачальники в 1939–1940 годах, сдавшие Францию врагу уже после первого поражения. Это удивительное (после столь мощной активности в Первую мировую войну) малодушие,

⁴¹ Характерно, что король все-таки приказал лейб-гвардии разогнать непослушных депутатов, но когда гвардейцы пытались войти в зал «Малых забав», где те собрались, дорогу им со шпагами в руках преградили маркиз де Лафайет и еще несколько оставшихся знатных дворян.

впрочем, стало заметно уже с середины 1930-х годов, когда Франция сдавала одну свою позицию за другой поднимающейся, но еще достаточно слабой Германии.

В 1909 году, вскоре после Первой русской революции, вышел знаменитый сборник «Вехи» с подзаголовком *Сборник статей о русской интеллигенции* (Вѣхи 1909)⁴². На самом деле это был сборник о Русской революции, о роли в ней интеллигенции. В статье Н. Бердяева «Философская истина и интеллигентская правда» в этом сборнике позиция интеллигенции подверглась резкой критике. По его мнению, русская интеллигенция практически обожествовала народ и революцию, борьба с самодержавием стала тем критерием, при помощи которого оценивались любые явления. При этом интеллигенция стала «во всем всегда винить внешние силы и их виной себя оправдывать» (Бердяевъ 1909: 26). Она забыла и об истине, и о том, что надо возложить ответственность и на себя и «перестать во всем винить внешние силы» (Там же). В статье историка, литературоведа и философа М. О. Гершензона (который был инициатором выпуска этого сборника) «Творческое самосознание» читаем: «Что делала наша интеллигентская мысль последние полвека? – я говорю, разумеется, об интеллигентской массе. – Кучка революционеров ходила из дома в дом и стучала в каждую дверь: “Все на улицу! Стыдно сидеть дома!” – и все... высыпали на площадь... Полвека толкутся они на площади, голоса и перебраниваясь. Дома – грязь, нищета, беспорядок, но хозяину не до этого. Он на людях, он спасает народ, – да оно и легче и занятнее, нежели черная работа дома» (Гершензонъ 1909: 84).

И эта интеллигенция претендовала на власть, демонстрируя своего рода мессианство, считая, что образованные люди якобы знают, как правильно переустроить жизнь. И они ничтоже сумняшея готовы были перестраивать ее не снизу, а высказывая претензии не просто на участие во власти, но и на верховную власть (как делали лидеры кадетской партии). Все это сыграло роковую роль в истории нашей страны и дореволюционной русской интеллигенции, среди которой было множество дворян.

Однако уже после Первой русской революции, казалось бы, многие должны были переосмыслить ситуацию, понять, что народная революция сметет не только самодержавие, но и интеллиген-

⁴² Интересный анализ сборника см.: Эйдельман Б. Г.

цию. М. Гершензон написал об этом предельно откровенно: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» (Гершензонъ 1909). Но эти слова имели обратную реакцию. Их автора заклеили всеми мыслимыми и немыслимыми обвинениями. Однако мы хорошо знаем, что в итоге случилось с русской интеллигенцией. Счастливы оказались те, кого вывозили пароходами за границу в 1922 году, а не топили на баржах в реках.

Таким образом, нередко элита или какие-то ее слои, образно говоря, кусают руку, их кормящую, не понимая, что они могут существовать только в условиях этого «плохого», по их мнению, режима. Советская высшая творческая интеллигенция, имевшая особые привилегии, огромную аудиторию, благодаря политике государства жившая на всем готовом, требовала свободы слова, думая, что можно иметь и свободу слова, в том числе в безудержной критике власти, и прежнее покровительство государства. Однако что было сделано даже не великого, но просто выдающегося теми, кто стоял на вершинах культуры до 1991 года? Трудно вспомнить, почти ничего... Дело в том, что та творческая интеллигенция могла существовать только в условиях советской власти, но не рынка.

Почему происходит такая потеря чувства самосохранения? Этот вопрос требует изучения. Но можно предположить следующее. Это результаты:

1. Некоторой изнеженности элиты, которая перестает бороться за свои позиции, нечто вроде того, о чем писал еще Ибн-Хальдун в XV веке (Ибн-Хальдун 1980; см. также: Гринин 2012: 83–84), а именно о том, как третье поколение правителей из-за склонности к роскоши и прочему приводит династию к падению.

2. Роста образования, гуманизации отношений в рамках самой элиты, в их семьях и т. п., когда наиболее жесткие отношения скрывают от детей и т. п. В этой ситуации вырастает новое поколение, некоторая часть которого «заражена» определенными идеями, плохо сочетающимися с их положением.

3. Иностранного влияния, более высокого в области культуры и уровня отношений в обществе; элита ориентируется на них (в какой-то мере), но они недостаточно пригодны для внутренних дел.

4. Достаточно мягкого (не слишком репрессивного) режима и относительно мягкого правителя.

5. Расширения представления о том, кто достоин быть в рядах элиты, как следствие идеи о том, что в элиту человек должен попадать по заслугам, а не по праву рождения или иным особым правам.

6. Перепроизводства элиты. С одной стороны, появляется большое количество выпавших из элиты, но претендующих на почетное место людей. Поскольку часть поколения наследует свое положение без серьезных усилий, а претензии на место в элите растут, усиливается и критика элиты. В итоге многие представители элиты остро воспринимают всякую критику высших слоев и правительства.

7. Длительной критики правительства, когда некоторая часть элиты начинает воспринимать ее всерьез и кто-то полагает, что мог бы изменить ситуацию. Здесь мы видим большую роль идеологии, которая проникает во все слои общества, а не только в те, в которых больше недовольных.

Заключение. РЕВОЛЮЦИИ КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

Революции как геополитическое оружие и в качестве открытой или тайной государственной политики систематически стали использоваться в XX веке (хотя спорадически и раньше, например, такими были подстегивания восстаний в Польше против власти России в XIX веке). Во время Первой мировой войны Англия и Франция поддерживали кадетов и других оппозиционеров, которые выступали против монархии и, по сути, призывали к революции (а посольства, по некоторым данным, в какой-то мере являлись координаторами этих интриг). Относительно позиции наших союзников по поводу революции есть разные точки зрения, одна из которых заключается в том, что они стремились достичь за счет революции сразу двух целей: продолжать использовать Россию как активно воюющего союзника и найти возможность уклониться от своих обещаний передать ей Черноморские проливы и Константинополь. Германия, как известно, пыталась использовать (и не без успеха) революционеров, которые выступали за немедленное прекращение войны, прежде всего большевиков во главе с В. И. Лениным. Но в качестве постоянной линии внешней политики наиболее систематически помощь в организации революций стал оказывать

СССР, по сути, сразу же после Октябрьской революции (см.: Гринин 2017в). Западные страны использовали революции значительно реже. Были попытки и экспортировать исламские революции, хотя не особенно успешно.

Крушение социализма, как мы видели выше, окончательно убедило в том, что революции перестали быть сколько-нибудь приемлемым средством социального прогресса в современный период. Однако, как ни парадоксально, именно с этого времени США и западные страны резко изменили свое отношение к революциям, поскольку теперь (как только угроза возникновения коммунистических режимов в результате совершения революции исчезла) их стали рассматривать как позитивное и выгодное для западных стран явление. Революции вновь, как и раньше, стали отождествлять с демократией, а демократию рассматривать как безусловно позитивную форму. Однако это вовсе не так.

Конец XX и начало XXI века, как мы видели, стали периодом нового типа революций, в которых повысилась доля внешнего вмешательства и инспирирования, использования «рукотворных», нестихийных революций для свержения неугодных режимов. Целая цепь таких революций, получивших название «цветных», прокатилась по ряду стран. Как уже было сказано, эти революции западные страны стали использовать как важнейший инструмент геополитики для усиления своего влияния и подрыва мощи соперников, а также для пропаганды превосходства собственного строя. Для этого в избранных странах активно подготавливалась оппозиция, которая при возможности проходила обучение с помощью западных инструкторов; также в качестве координаторов и штабов всякого рода использовались НКО и дипмиссии. К сожалению, чаще всего позитивный эффект таких революций был минимальным, зато негативный – разрушительным. «В большинстве стран, где произошли “цветные революции”, не наблюдается быстрого и надежного перехода к демократии», – отмечает даже сторонник таких революций Дж. Голдстоун (2015: 161), показывая, что революции по-прежнему начинаются со свержения старого режима, но впереди у них очень трудный и затяжной процесс утверждения нового; что революции неизбежно порождают новые трудности, новую борьбу за власть и высокую вероятность скатывания к авторитаризму (Там же: 161, 183). Вновь и вновь подтверждается идея о том, что революции – слишком разрушительный способ прогресса для современной формы общественной жизни (см.: Гринин 1997;

2007). И мы не разделяем надежд Голдстоуна, что в «будущем возобладает революционный героизм, а не революционные кошмары» (Голдстоун 2015: 182).

Литература

- Бакс, К.** 1986. *Богатства земных недр*. М.: Прогресс.
- Бердяев, Н.** 1990. *Философия неравенства*. М.
- Бердяев, Н.** 1909. Философская истина и интеллигентская правда. В: Вѣхи 1909: 5–26.
- Вахитов, Р. Р.** 2004. От термидора к бонапартизму: логика либеральной контрреволюции. *Восток* 5(17). URL: http://www.situation.ru/app/j_art_415.htm.
- Вѣхи.** Сборник статей о русской интеллигенции. 1909. URL: http://imwerden.de/pdf/vehi_1909.pdf.
- Гершензон, М.** 1909. Творческое самосознание. В: Вѣхи 1909: 74–100.
- Голдстоун, Дж.** 2015. *Революции. Очень краткое введение*. М.: Изд-во Ин-та Гайдара.
- Гринин, Л. Е.**
1997. Формации и цивилизации. Гл. 2. *Философия и общество* 2: 5–89.
2006. *Производительные силы и исторический процесс*. Изд. 3-е, стер. М.: КомКнига.
2007. *Философия, теория и социология истории*. 4-е изд. М.: КомКнига.
2012. *От Конфуция до Конта. Становление теории, методологии и философии истории*: уч. пособ. М.: ЛИБРОКОМ.
2013. Государство и кризисы в процессе модернизации. *Философия и общество* 3: 29–59.
2017а. Российская революция в свете теории модернизации. *История и современность* 2: 22–57.
2017б. Революции и исторический процесс. *Философия и общество* 3: 5–29.
2017в. Революция в России и трансформация Мир-Системы. *Век глобализации* 3: 97–112.
- Гринин, Л. Е., Гринин, А. Л.** 2015. *От рубил до нанороботов. Мир на пути к эпохе самоуправляемых систем (история технологий и описание их будущего)*. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».
- Гринин, Л. Е., Исаев, Л. М., Коротаев, А. В.** 2016. *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке*. 2-е изд., испр. и доп. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В.

2014. Революция vs демократия (революция и контрреволюция в Египте). *Полис. Политические исследования* 3: 139–158.

2016. Революции как особая стадия развития общества и Арабская весна. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Исаев, Л. М., Мещерина, К. В. (ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна в глобальном контексте*. Волгоград: Учитель, с. 157–190.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (отв. ред.). 2010. *О причинах Русской революции*. М.: ЛКИ.

Джанаби, М. М. 2015. Политическая идея современного исламоцентризма (Философско-культурологический анализ). В: Саватеев, А. Д., Кисриев, Э. Ф., *Исламские радикальные движения на политической карте современного мира*. Т. I. М.: URSS, с. 42–96.

Дневники Императора Николая II. 1991. М.: ORBITA.

Дорошенко, Е. А. 1998. *Шийтское духовенство в двух революциях: 1905–1911 и 1978–1979 гг.* М.: Ин-т востоковедения РАН.

Дьяконов, И. М.

1951. Реформы Урукагины в Лагаше. *Вестник древней истории* 1: 15–32.

1983 (ред.). *История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой формации*. Т. 1. Месопотамия. М.: Глав. ред. вост. лит.-ры.

2000. Города-государства Шумера. В: Якобсон, В. А. (отв. ред.), *История Востока: в 6 т. Т. 1. Восток в древности*. М.: Вост. лит.-ра.

Зинькина, Ю. В., Гринин, Л. Е., Ильин, И. В., Андреев, А. И., Алешковский, И. А., Шульгин, С. Г., Коротаев, А. В. 2017. *Историческая глобалистика*. Т. 2. XIX век. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель»; Изд-во Моск. ун-та.

Ибн-Хальдун. 1980. Прологомены к «Книге поучительных примеров...». В: Игнатенко, А. А., *Ибн-Хальдун*. М.: Мысль, с. 121–155.

Илюшечкин, В. П. 1967. *Крестьянская война тайпинов*. М.: Наука.

Манфред, А. З. 1974. Французская буржуазная революция конца XVIII века. В: Жуков, Е. М. (гл. ред.), *Советская историческая энциклопедия: в 16 т. Т. 15*. М.: Советская энциклопедия, с. 370–383.

Маркс, К. 1957. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Соч.: в 50 т. Т. 8*. М.: Политиздат, с. 115–217.

Местр, Ж. де. 1997. *Рассуждения о Франции*. М.: РОССПЭН.

Назаретян, А. П. 2016. Русская пролетарская революция в контексте Мегаистории. *Историческая психология и социология истории* 2: 190–215.

Назарчук, А. В. 2006. Влияние книгопечатания на развитие протестантизма в Европе. *Новая и новейшая история* 4: 79–90.

Нефедов, С. А. 2007. *Концепция демографических циклов*. Екатеринбург: Изд-во УГГУ.

Полякова, Н. В. 2014. «Закон Термидора»: традиции и новации. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения* 3: 98–106.

Семенов, Ю. И., Гобозов, И. А., Гринин, Л. Е. 2007. *Философия истории: проблемы и перспективы*. М.: КомКнига.

Сорокин, П. А.

1992. *Человек. Цивилизация. Общество*. М.: Политиздат.

1994. Голод и идеология общества. В: Сорокин, П. А., *Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет*. М.: Наука, с. 367–395.

Травин, Д., Маргания, О. 2004. *Европейская модернизация*. Кн. 1. М.: АСТ, Terra Fantastica.

Троцкий, Л. Д. 1935. Рабочее государство, термидор и бонапартизм. *Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)* 43. В: Троцкий, Л. Д., *Против Сталина: двенадцать лет оппозиции (Статьи, речи и письма Л. Троцкого из «Бюллетеня оппозиции», июль 1929 – август 1941)*. URL: <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotm235.htm>.

Устрялов, Н. 1921. *Patriotica. Смена вех*: сб. Прага. URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/USTRYALOV/patriotica.txt>.

Хантингтон, С. 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.

Хобсбаум, Э. 1999. *Век революции. Европа 1778–1848*. Ростов н/Д.: Феникс.

Штырбул, А. А. 2006. *Безгосударственные общества в эпоху государственности (III тыс. до н. э. – II тыс. н. э.)*. Омск: Изд-во Омского гос. пед. ун-та.

Шульц, Э. Э. 2015. «Моделирование революций» (к дискуссии о стадиях). *Историческая психология и социология истории* 2: 158–173.

Эйдельман Т. Б. г. «Вехи» и веховцы. URL: <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/bd86951e-1bd7-ba23-a172-ab89a5ae46d6/1010911A.htm>.

Adams, B. N., Sydie, R. A. 2002. *Classical Sociological Theory*. Thousand Oaks, CA; London; New Delhi: Pine Forge Press.

Blockmans, W. T. 1989. Preindustrial Europe. *Theory and Society* 18(5): 733–755.

Grinin, L., Korotayev, A. 2015. *Great Divergence and Great Convergence. A Global Perspective*. N. p.: Springer International Publishing.

Nef, J. U. 1987. Mining and Metallurgy in Medieval Civilisation. In Postan, M. M., Miller, E. (eds.), *The Cambridge Economic History of Europe*. Vol. II. *Trade and Industry in the Middle Ages*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 693–762.